

Потушив огонь в плите и разложив готовые блюда по тарелкам, Чжао Ли мыла руки под краном и говорила:

— Чжоу Пин, ты всё ещё не понимаешь, почему мы тебя торопим. Я, наш отец, включая ту У Шэнъи, — мы торопим тебя не потому, что хотим, чтобы ты выбрал кого-то одного из нас. Ты мужчина, и тебе нужно не просто избегать ошибок, а проявить ответственность и смелость, чтобы взять на себя то, что ты должен. С самого начала У Шэнъи постоянно требовала от тебя решения, но не хотела, чтобы ты разводился со мной. Она хотела, чтобы ты нашел разумный выход из нынешней ситуации. Я и наш отец думали так же. Но ты всегда считаешь, что мы заставляем тебя выбрать кого-то одного и разорвать связи с другими. Ты всегда думаешь обо мне и У Шэнъи как о мелочных и нетерпимых людях, но дело ещё не дошло до такой степени. Однако ты так и не предложил ничего действенного и даже не думал обсуждать это с кем-либо. В то время мы были мужем и женой, ты мог бы посоветоваться со мной, и мы решили бы проблему. Но ты не обратился ко мне. Да, я признаю, говорить об этом было неловко, но ты мог бы поговорить с отцом. Ты же сам понимаешь, что это не проблема, которую можно решить в одиночку. Но ты всё равно упрямылся. Если бы ты раньше разобрался с делами У Шэнъи или вернулся ко мне или к отцу, чтобы обсудить это, мы бы вступили в переговоры, и всё точно не закончилось бы так плохо. Теперь У Шэнъи не выдержала и нашла наш дом только потому, что ты не дал ей даже пустых обещаний. Она каждый день живет в страхе за будущее. Ты не даешь ей надежды, но хочешь, чтобы она спокойно жила в темноте. Разве это возможно?

Высказав всё, Чжао Ли помыла руки, взяла тарелки и вышла из кухни, оставив Чжоу Пина одного. Выслушав её длинный монолог, он молча размышлял о прошлом, и на сердце у него стало ещё тяжелее.

Вернувшись за стол, Чжоу Пин смотрел на с аппетитом еющего Чжоу Сяошу, и его охватили смешанные чувства. Он вдруг понял, почему Чжао Ли так разочарована. Он всегда думал, что она разозлится и сделает что-то необдуманное, а У Шэнъи будет давить на него, чтобы он развёлся с Чжао Ли.

Вздыхнув, он наблюдал, как Чжао Ли терпеливо клала еду в тарелку Чжоу Сяошу, и вдруг вспомнил прежнюю счастливую жизнь, чувствуя себя просто чудовищем.

Погрузившись в свои мысли, Чжоу Пин услышал, как Чжао Ли слегка кашлянула, и очнулся, осознав, что молчал слишком долго. Настолько долго, что Чжоу Сяошу перестал есть и уставился на него.

Чжоу Пин положил палочки для еды и погладил сына по голове:

— Папа просто думал о работе, всё в порядке, ты ешь.

— Папа, когда дома, не думай о работе, давай поговорим о чём-нибудь другом.

Это был первый раз, когда Чжоу Сяошу сам предложил поговорить с отцом, и это немного удивило Чжоу Пина. После удивления его охватило легкое чувство утраты, он понял, что всё изменилось. Собравшись с духом, он снова посмотрел на сына и начал обсуждать с ним разные интересные события, произошедшие в школе.

После ужина Чжоу Пин немного отдохнул и собрался уходить. Когда он уже был у двери, Чжоу Сяошу бросился к нему, обнял его за талию и, слёзы на глазах, спросил:

— Папа, почему ты уже уходишь?

Глаза Чжоу Пина тоже наполнились слезами, но он сдержался. Он присел, взял лицо сына в руки и медленно произнёс:

— Сяошу, папа должен работать, но я обещаю, что буду чаще навещать тебя. Хорошо?

Чжоу Сяошу кивнул, всё ещё плача, и отпустил отца, но проводил его до двери.

Когда сын вернулся в дом, Чжоу Пин пошёл по дороге, и по его щекам тихо скатились две слезы.

Вечером Чжоу Сяошу плохо спал, всё время плакал и думал о Чжоу Пине. Потом он начал думать о предстоящей первой встрече с У Ганом в субботу, о прекрасных пейзажах парка Цуйху, о милом лице У Гана, и от этого ему стало ещё труднее заснуть.

На следующее утро, когда он встал, под глазами у него были тёмные круги. Но даже в таком состоянии он был полон энтузиазма и бодрости. Легендарное первое свидание — сама мысль об этом вызывала волнение.

Нога Чжоу Сяошу ещё не совсем зажила, но он уже мог ходить без костылей. Чжао Ли сегодня снова уходила на работу, и Чжоу Сяошу сказал ей, что пойдёт к У Гану читать книги, на что она не возразила.

Однако он заметил, что Чжао Ли тоже выглядела уставшей, поэтому перед её уходом он заботливо сказал:

— Мама, хорошо отдохни. Не перетруждайся.

Чжао Ли, одеваясь, на мгновение замерла, затем повернулась и с улыбкой ответила:

— Хорошо, мама знает. Ты вчера тоже плохо спал, а ещё говоришь мне?

Чжоу Сяошу смущённо почесал голову, не подтверждая и не отрицая. Он ведь не мог сказать, что с нетерпением ждал первого свидания с У Ганом.

Рассчитав время, он запер дверь и направился к дому У Гана. Шёл он не спеша, и путь, который обычно занимал не больше двадцати минут на велосипеде, занял у него почти пятьдесят минут. Подойдя к дому У Гана, он тяжело дышал. У Ган, открыв дверь, увидел его уставший вид, сначала удивился, а потом быстро затащил его внутрь, усадив на диван.

— Что случилось? — спросил У Ган, хмуря брови.

— Обычно на велосипеде я не так устаю, наверное, за эти дни отдыха я потерял форму. Сегодня я не мог ехать быстро, не мог ехать на велосипеде, пришлось идти пешком. Я не думал, что это будет так утомительно, я чуть не умер от усталости.

Нахмурившись, У Ган подал ему стакан воды и серьёзно сказал:

— Когда нога заживёт, каждый день будешь со мной заниматься спортом.

— А? Не надо, не надо, не надо, — Чжоу Сяошу замотал головой, словно волчок, — Я не хочу заниматься спортом, это слишком утомительно.

— Надо.

У Ган, к удивлению Чжоу Сяошу, проявил необычную твёрдость в разговоре. Услышав его холодный тон, Чжоу Сяошу надулся. Хотя он больше не боялся У Гана с тех пор, как узнал, что тот не злодей, и они начали встречаться, его всё же передёрнуло от ледяных слов У Гана. Он покорно кивнул.

Отдохнув, Чжоу Сяошу почувствовал себя лучше, и они вместе отправились в парк Цуйху. По дороге, из-за разговора о занятиях спортом, Чжоу Сяошу был не в духе и сидел в автобусе, надув губы.

У Ган, видя его настроение, почувствовал лёгкую горечь, но всё же решил, что Чжоу Сяошу нужно заниматься спортом. Он протянул руку и взял Чжоу Сяошу за ладонь. Тот не отнял руку, но и не ответил на жест.

Он понимал, что ему действительно нужно заниматься, и не мог злиться на У Гана. Ему просто было неприятно, глубоко внутри, но это, казалось, не имело значения. Вспоминая У Гана, он чувствовал, что не может ему отказать. Он представлял, как У Ган сейчас выглядит, может быть, с лицом, полным заботы, или всё ещё холодным, но с глазами, в которых невозможно скрыть нежность.

Чем больше он думал об У Гане, тем больше не мог сдержать свои чувства. В конце концов, желание увидеть У Гана перевесило стыд, и он повернулся к нему. Он был удивлён — на лице У Гана не было никакого выражения, ни капли той мягкости, которую он представлял.

Внимательно рассмотрев серьёзное лицо У Гана, он заметил, что кончики его ушей слегка дрожали и порозовели.

Он действительно легко смущается.

На этом всё, следующая глава будет простым и грубым свиданием, после которого, вероятно, на время не будет сладких моментов, поэтому я постараюсь сделать следующую главу как можно более сладкой.

Автор любит вас.

<http://bllate.org/book/17717/1655885>